МАРИНА ГОЛУБ

В ЖИЗНИ, ТЕАТРЕ, КИНО

Воспоминания друзей

Лица эпохи

Марина Голуб в жизни, театре, кино. Воспоминания друзей

«Издательство АСТ»
2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)-4

Марина Голуб в жизни, театре, кино. Воспоминания друзей / «Издательство АСТ», 2017 — (Лица эпохи)

ISBN 978-5-17-087110-0

Эта книга – дань памяти яркой, талантливой актрисе – Марине Голуб. О ней рассказывают ее друзья, коллеги по театру, кино, телевидению: Олег Табаков, Деклан Доннеллан, Кирилл Серебренников, Павел Лунгин, Павел Чухрай, Евгений Миронов и многие из тех, с кем её сводила жизнь.Актриса огромного таланта. Женщина удивительного обаяния. Человек бесконечной доброты и преданности к людям.Рассказ друзей о непростой и не безоблачной судьбе раскрашенной яркими, смешными эпизодами и почти невероятными историями, которые могли случиться только с ней – Мариной Голуб.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-17-087110-0

, 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Детство 6
Школа-студия МХАТ 10
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марина Голуб в жизни, театре, кино. Воспоминания друзей Автор-составитель Виктор Борзенко

И море, и Гомер – всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море чёрное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Осип Мандельштам

В книге использованы фотоматериалы из личного архива Анастасии Голуб, из архива МХТ им. Чехова, а также Екатерины Цветковой

© Автор-составитель В. Борзенко
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Возможно, не все истории, которые должны были оказаться в этой книге, нам удалось собрать. Возможно, есть истории, которые мама рассказала бы по-другому. Но я уверена, она видит, с какой любовью и нежностью все герои книги вспоминают о ней.

Огромная благодарность Московскому Художественному театру имени А. П. Чехова за предложение издать эту книгу.

Спасибо большое лично Олегу Павловичу Табакову.

Спасибо всем, кто принял участие в создании этой книги. За нашу совместную работу спасибо Виктору Борзенко и Юлии Фрид.

Благодарю всех друзей нашей семьи, которые были и остаются со мной.

Благодарю за память о Марине Голуб.

Анастасия Голуб

Детство

Детство врезается в нас, как наскальная живопись: штрихами и навсегда, – говорила Марина Голуб. – Первые штрихи моего детства – ноги прохожих на фоне неба.

Эта картинка так и впечатается в её память на всю жизнь. Окна квартиры в Сокольниках едва приподнимались над тротуаром. Трёхлетняя Марина подставляла табуретку и забиралась на подоконник – там, держась за оконную ручку, она могла рассматривать людей. Оттуда было видно небо. Это сейчас Сокольники – один из центральных районов Москвы, а тогда, в конце 1950-х, это была окраина с обветшалыми деревянными домами, разбитыми тротуарами и покосившимися заборами.

Пол в квартире был земляной, неровный, комнаты разделялись занавесками. Хранительницей очага была бабушка Марины – простая и мудрая деревенская женщина Анастасия Ивановна Горюнова. Несмотря на все пережитые испытания – войну, голод, потерю мужа, тяжёлый не женский труд, – она сохранила лёгкий нрав, оптимизм, прирождённую находчивость и самобытный юмор, о котором потом ходили легенды.

– Нашим бороду приставить – так вылитый Лев Толстой! – говорила Анастасия Ивановна, намекая на своё «графское» происхождение. Дело в том, что её предки были выходцами из Ясной Поляны. А Толстой, как известно, «вольно» обращался с барышнями-крестьянками. Бабушкины складные и остроумные афоризмы Марина повторяла всю жизнь. А вслед за ней эти присказки цитировала вся театральная Москва.

Но в те годы звездой маленькой квартирки в Сокольниках была мама Марины. Людмила Голуб – тогда ещё по мужу Фролова – выпускница Щепкинского театрального училища, молодая актриса Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя.

Людмила Голуб была актрисой невероятного комедийного и характерного дара. До прихода в Театр имени Гоголя работала в Московском театре юного зрителя, где играла в детских спектаклях девочек и мальчиков. А уже на сцене драматического театра к ней пришли ведущие разновозрастные характерные роли, которые она блистательно исполняла.

«С большой впечатляющей силой уже знакомая многим по радиопередачам Л. С. Фролова раскрывает чистую и нежную душу своей героини Веры в спектакле “Случайные встречи” <…>»[1], потом был мальчик Гуинплен по Гюго «Человек, который смеётся», «Кавказский меловой круг» Брехта в постановке А. Дунаева, где, кстати, роль мальчика играла маленькая Марина, потом Людмила Голуб вела на советском телевидении «Спокойной ночи, малыши!» и уже совсем позже она была вынуждена уйти из Театра имени Гоголя и пойти работать на эстраду в Москонцерт, где вместе с Тамарой Миансаровой, Бедросом Киркоровым, Аллой Йошпе и Стаханом Рахимовым, Капиталиной Лазаренко, Геленой Великановой и Иосифом Кобзоном ездили и давали концерты по необъятным простором нашей родины.

…В 1960 году в этот более чем скромный быт ворвалось дыхание совершенно другой жизни. Это была судьба в лице человека, которого звали Григорий Ефимович Голуб. Через пару месяцев после знакомства он перевёз всю семью в свою квартиру на Комсомольском проспекте.

Вскоре Театр имени Гоголя облетел слух:

– Людка Фролова выходит замуж за дипломата!

Кем же он был – этот «принц на белом коне»? За его плечами уже была многолетняя консульская работа в посольстве СССР в Финляндии. Григорий Голуб родился в 1923 году в Харькове в семье начальника финансового управления области. В 37-м году отца арестовали

[1] А. Бородин. Первый московский спектакль // Газета «Колумнист».

и вскоре расстреляли. Мать была осуждена на 20 лет лагерей. Гришу и его младшую сестру определили в Кардымовский детский дом.

Педагоги этого детского дома оказались людьми бескорыстными и смелыми. Они прекрасно понимали участь своих воспитанников – детей «врагов народа» и пошли на подлог – написали в его личном деле, что он украинец, а родители умерли от голода.

В 18 лет он ушел на фронт. Воевал под Смоленском в пехоте, освобождал Сталинград, был ранен. После госпиталя стал командиром роты разведчиков, воевал в составе Первого Украинского фронта, дважды форсировал Днепр. Победу встретил в Австрии в звании старшего лейтенанта. После войны закончил Военно-педагогический институт, затем Военно-дипломатическую академию ГРУ.

Этот человек стал Марининым отцом. А она стала Мариной Григорьевной Голуб. Отца она обожала. И это было взаимно.

А вот в отношениях с мамой у Марины бывали разные периоды. И всегда неизменным авторитетом и третейским судьёй оставался отец. О нём актриса рассказывала во многих своих интервью.

* * *

В 1964 году Марина Голуб пошла в первый класс школы № 33. Рассказы о школьной поре – самые нелюбимые в её биографии. Училась неважно. Сверстники дразнили. Учителя не всегда понимали. В своих многочисленных интервью она особо не касалась этой темы – яркое воспоминание было только одно:

– В седьмом классе пошли мы гулять на Ленинские горы. Я надела новое узкое платье, которое сшила мне мама. И, естественно, упав с крутой горки, тут же его порвала. Но это было еще полбеды, поскольку сама я прилично поранилась. На мой крик подлетела продавщица мороженого, увидела раны и ссадины – запричитала, заохала и решила, что меня надо срочно везти в травмпункт. Подкатила свой лоток, одноклассники помогли мне на него забраться, и мы поехали. Один из них позавидовал: «Везёт тебе, мороженого объешься…» Но самую сакраментальную фразу он произнёс, когда позвонил моей маме, чтобы сообщить о случившемся: «Ваша дочь упала с Ленинских гор!» Эта фраза в нашей семье стала афоризмом[2].

До девятого класса Марина Голуб сидела за третьей партой в среднем ряду вместе с Анной Мазепой (в замужестве – Политковской), будущей журналисткой, правозащитницей. Дружбы на всю жизнь между одноклассницами не сложилось, но в школе они хорошо дополняли друг друга.

– У Ани с детства было обострённое чувство справедливости, – говорит её одноклассница Елена Морозова. – «Правдорубка» и «правдолюбка». Она ведь не только за себя боролась. К ней все обращались: «Ань, посмотри, у меня вот столько-то ошибок, мне поставили трояк, а кому-то четвёрку». Аня могла запросто пойти к учителю разбираться, доказывать, что это предвзято, несправедливо. На моей памяти она не раз заступалась и за Марину. Вообще, у них с Голуб были удивительные отношения. Мне кажется, что Аня видела в ней гораздо больше, чем некоторые учителя. У нас ведь зачастую важен результат: никто не учитывает ни темперамента, ни характера, ни каких-то личных особенностей… А Аня понимала, что Марина – прирождённая актриса и что ей все эти тангенсы и синусы, атомы и молекулы никогда не пригодятся. Она не только позволяла списывать, но и готова была тихонько подсказывать с места, если Голуб вызывали к доске и она глазами искала ответа…

[2] Каневская Лариса. Ваша дочь упала с Ленинских гор // «Театрал», сентябрь 2011 г.

У Ани Политковской была сестра, красотка и тоже отличница. Она казалась нам взрослой, хотя училась всего лишь на класс старше нас… За ней ухлёстывали видные ухажёры, и Марина, единственная из всех, была допущена в эту компанию. Например, они звали её отмечать свои дни рождения или на какие-то посиделки, а потом Марина приходила к нам и делилась впечатлениями. Обзавидуешься же!

Впрочем, хватало и других поводов для зависти. Было голодное время, дефицит. Жвачка – это подарок судьбы. Колготки – это подарок судьбы… Но у Марины были и жвачка, и колготки в сеточку, поскольку мама всё это привозила с гастролей, а папа – из командировок. Однажды у неё появился и пояс для чулок. Я это очень хорошо помню, потому что самих чулок не было, а пояс был. Она сидела за своей партой, приподнимала юбку и зачем-то настойчиво его демонстрировала. А когда у Марины появились джинсы, тут уже весь класс умирал от зависти. Ещё бы, джинсы – предел мечтаний! Правда, они оказались на три размера меньше – не застегивались. Но Марина была Мариной. Она всё равно их носила, прикрывая расстегнутую змейку длинным свитером. Мы всегда рассматривали её обновки, щупали, и она охотно в них красовалась.

Больше всего меня удивляло (и тайно восхищало) полное отсутствие у Марины комплексов. Мы были все такие советские, правильные девочки, а она классе в восьмом могла позволить себе прийти в школу в помаде и тенях. Учителя, как и положено, раздували из этого скандал – отправляли её умываться, порицали за антиобщественный поступок, но всё это было риторикой советской школы. На деле у каждой из нас возникала тонкая зависть: хотя бы полчаса, но Марина успевала побывать героиней в наших глазах.

Однажды мы с Аней Политковской нарисовали стенгазету, в которой изобразили Голуб этакой воображалой. Нам казалось, что это вполне ожидаемо, ведь не было здесь никакой крамолы. Но Марина почему-то расстроилась – плакала и говорила, что уйдёт в другую школу… К нашей компании она охладела, но тут (девятый класс) к нам пришла новенькая – Марина Кантейник, и Марину Голуб учителя посадили вместе с ней «для органичного вживания в коллектив». Они, что называется, нашли друг друга, ведь это была дружба с чистого листа…

– Вы спрашиваете, какой была Голуб? – говорит Марина Кантейник. – Весёлая… Жизнерадостная… Когда я пришла к ним в класс, Марина окружила меня невероятной заботой: рассказывала про учителей, знакомила со своими товарищами, всё время что-то комментировала на уроках, и я умирала со смеху, хотя, как новенькая, должна была вести себя прилично. А ещё она блестяще показывала Савелия Крамарова – можно было живот надорвать от смеха. Мы очень легко подружились, так что довольно скоро Марина пришла к нам в гости. Моя мама Людмила Малютина в ту пору работала актрисой в Театре имени Станиславского. И помню, как Марина подошла к ней, положила ладонь на плечо и спросила как у ближайшей подруги: «Людочка, ну как дела?» Мама, конечно, опешила от такой неожиданной манеры общения, но виду не подала. Ей нравилась Марина именно этой своей непосредственностью – не было в ней ничего напускного. Она могла панибратски спросить о делах, но слушала всегда с искренним интересом. «Да вы что! Не может быть!», – говорила она и очень характерным жестом прижимала руку к груди.

– Летом она приезжала к нам в гости на дачу в Купавну и, разумеется, верховодила всей нашей компанией, – подхватывает рассказ сестра Марины Кантейник – Ирина. – Она бесконечно что-то придумывала. То какие-то походы, то песни под гитару, то посиделки у костра… Нам без неё было скучно. И вообще, как только она появлялась, соседские мальчишки начинали преследовать нас, хватать за волосы, караулить за забором. Мы от них убегали. Но едва Марина уезжала, интерес пропадал и к нам. Вообще, её открытость была прямо пропорциональна душевности и доброте. Например, она очень любила серебро, носила серебряные украшения и, заметив однажды мою заинтересованность, подарила колечко на мизинец (я потом

много лет его носила). Как оказалось, Марина нашла дома цыганский браслет, распилила его и сделала себе и мне одинаковые кольца.

* * *

…Вопрос о выборе профессии встал достаточно рано.

– В школьные годы я занялась танцем, – говорила **Марина Голуб**. – Занялась очень серьёзно, и когда мне было лет десять, я заявила, что хочу стать балериной. Потому что всякий раз, едва в дом приходили гости, мне говорили: «Маня, покажи умирающего лебедя», и я танцевала, воображая, что делаю это не хуже Улановой. У меня были ручки, ножки, я была вся такая хрупкая, утончённая, ну, просто тростинка. Мне кричали мальчишки: «Беги, беги, ноги переломятся!» Короче говоря, очень хотелось посвятить себя балету. И мама решила показать меня в училище при Большом театре – повела к педагогу, который по косточкам определяет телосложение.

Толстой мама никогда у меня не была, но с годами стала дамой с формами. Педагог внимательно посмотрела на неё, потом на меня и сказала: «Милая девочка. Но знаете, какая она будет?» Мама говорит: «Какая?» – «Она будет примерно метр семьдесят, у неё будет попка, у неё будут ножки, она будет вся такая крупная». Мама обомлела: «Как, крупная? Не может быть. Она же… Вот посмотрите…» – «Да, да, да, – отвечает педагог, – я всё вижу. Прелестная девочка, прелестная. Но в балет Большого театра вам не надо».

Это была такая трагедия, что и передать невозможно! Рыдала целый вечер, и вместо Большого занималась танцами в ансамбле «Школьные годы»…

Прошло время. И где-то в девятом классе мама моя говорит: «Я не понимаю, что ты хочешь от жизни, кем намереваешься стать?» Я говорю: «Пойду в актрисы». Мама изменилась в лице. «В драму?» – «В драму». – «А почему ты ни разу не читала ничего и ничего мне не показывала?» Я говорю: «Ну, могу показать». И так с ходу прочитала ей Есенина:

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

Я прочла ей всю «Песнь о собаке». Мама задумалась и сказала: «Ну, что-то в этом есть…»

И мы начали готовить программу для поступления. Мама со мной занималась, но эти занятия превращались в постоянную ругань. Я плакала, приходила к папе в слезах: «Она меня унижа-а-а-ет. Она говорит, что я безда-а-арная…» И папа успокаивал.

Когда я была в десятом классе, мама показала меня Виктору Коршунову в Щепкинском училище, которое она сама заканчивала. Виктор Иванович дал достаточно жёсткие рекомендации, которые не очень клеились с моей природой. И мама предложила держать «Щепку» про запас, а нацелиться на Школу-студию МХАТ.

Школа-студия МХАТ

В Школе-студии курс набирал знаменитый педагог Виктор Карлович Монюков.

Свидетельницей вступительных экзаменов была **Юлия Фрид** (дочь педагога по сценической речи Ольги Юльевны Фрид), ставшая впоследствии подругой Марины.

– Я училась в другом институте, но обожала ходить на экзамены в Школу-студию МХАТ. Совершенно не помню Марину на первых турах. Обратила на неё внимание чуть позже – уже во время главного конкурса, когда девочки показываются в первой половине дня, а мальчики – во второй. Просторный зал, длинный экзаменаторский стол, полукругом стоят стулья для абитуриентов… Публики видимо-невидимо – известные артисты, ведущие педагоги, студенты всех курсов и просто заинтересованные зрители типа меня.

Все занимают места, долго рассаживаются, и вот, наконец, в зал приглашают девушек, которые допущены к конкурсу. Для них это решающее испытание. Все понимают, что если ты понравился и прошёл, то общеобразовательные экзамены тебе уже не страшны.

Среди довольно скромно одетых девушек я заметила одну с потрясающей прической кудряшками, в чём-то очень элегантном сверху и в туфлях на шпильках. Когда пришла её очередь, она прочла отрывок из романа «Угрюм-река» и потом какое-то стихотворение. Слушали её внимательно и благосклонно, не прерывали. И тогда она, уже ощутив себя победительницей, вернулась на место и села, закинув ногу на ногу.

Моя мама, которой Марина уже тогда понравилась, стала делать ей знаки: мол, сядь нормально, по-человечески. Но это было уже бесполезно… Марина гордо взирала на своих конкуренток и осматривала педагогов так, как будто осчастливила их своим высочайшим присутствием. Потом уже в коридоре состоялся разговор.

– Марин, ты читала хорошо, все замечания учла, – говорила ей моя мама. – Но почему ты так сидела? Что за нахальная поза? Я же тебе подмигивала.

И Марина в ответ:

– Ольга Юльевна, вы знаете, я не видела ничего, что вы мне показывали, я была в полном зажиме.

– В зажиме?!!

– Вы не поверите. Для меня зажим – это полный разжим.

Это стало крылатым выражением.

И ещё я вспоминаю одну историю того лета. Дело было так. Марина и её бабушка Анастасия Ивановна сразу после экзаменов поехали отдыхать в Феодосию. И встретили на пляже… Монюкова. Как оказалось, он привёз на гастроли свой театр – Новый драматический. Играли «Шесть персонажей в поисках автора» Пиранделло. Одной актрисе потребовалась срочная замена. Поэтому встрече с Мариной Виктор Карлович обрадовался вдвойне:

– Будет тебе актёрское крещение, – сказал он. – Вечером играешь у нас в спектакле. Роль небольшая и почти без слов. Это роль проститутки.

Потом оглядел её с головы до ног:

– Костюмчик только не твоего размера. Что мы на тебя наденем?

Но Марина не растерялась:

– Виктор Карлович, что вы думаете, у меня одежды для проститутки не найдётся!

Эта фразочка тоже прочно вошла в наш лексикон. А тогда Монюков расхохотался, и вечером Марина, действительно, спасла спектакль…

В сентябре началась учёба. И Маринина абсолютная непосредственность вперемежку с безудержным темпераментом стала выплёскиваться при самых неожиданных обстоятельствах.

На занятиях по сценречи все должны были переписывать от руки длинные-предлинные фразы Толстого и Достоевского. Читали эти тексты вслух, учились распределять дыхание и

голос, ставить на место логические ударения. Потом бумажками менялись. Марине попалось: «Как чувствуешь себя сегодня, mon cher?» или что-то в этом роде. «Mon cher», написанное от руки – представляете себе? Вот Марина гордо и прочла: «шоп свеч».

– Что, Мариночка? Ещё раз, пожалуйста, – перебила её Ольга Юльевна.

Маня набрала воздуха и повторила, стараясь как можно легче и незаметнее «проскочить» непонятное выражение.

– Марин, какое еще «шоп свеч»? Что это значит?

– Не знаю, у меня так в листочке написано, – и Голуб протягивает листок.

– Марина, это по-французски «mon cher»!

Разумеется, в тот же день история облетела весь институт.

На втором или на третьем курсе Марина попросила отрывок по сценречи на преодоление. Моя мама дала ей финал «Анны Карениной». Стали разбирать, репетировать:

– Следи за руками. Каренина аристократка. Её фразы и жесты довольно сдержанны.

Марина старалась. Но на экзамене раздухарилась. Она читала: «…когда Анна не застала Вронского, а получила только его небрежным почерком написанную записку, воскликнула: “Так, я этого ждала!”». И вдруг со всей силы хлопнула себя рукой по бедру. На что Виктор Карлович Монюков во всеуслышание заметил: «Нееет, Этот поезд её не задаааавит. Этот поезд она сама остановит!»

А на экзамене по вокалу Марина однажды пела военную песню:

Иди, любимый мой, родной!
Суровый день принёс разлуку…
Враг бешеный на нас пошёл войной,
Жестокий враг на наше счастье поднял руку.
Иди, любимый мой, иди, родной!

Марина объявила название песни «Прощание». И первая же строчка: «Иди, любимый мой, родной!» прозвучала с интимно-призывной интонацией.

– Посмотрите, она ведь не на войну провожает мужчину, она манит его к себе, – прокомментировал эту неожиданную трактовку Монюков.

И действительно, она пела: «Иди, любимый мой, родной», а в это время манила его рукой: дескать, иди ко мне, подойди поближе.

И, как ни странно, такое исполнение было принято на «ура!».

Обязательным предметом для будущих актёров был французский язык.

Все слушали хит Джо Дассена Champs-Élysées. Конечно, и представить себе не могли, о чём идёт речь. И Паша Каплевич спросил:

– Марина, а Шанзализэ – это что такое?

Маня, не задумываясь, ответила:

– Ну, как что такое! Ты что, не понимаешь? Это же «Элиза, дай мне шанс!».

Марину Голуб и Павла Каплевича, теперь известного художника и продюсера, ещё со студенческих лет связала крепкая дружба. Правда, в разные времена отношения этих сверхтемпераментных людей бросало от любви до полного отторжения, от душевной близости до неприкрытого конфликта.

А началась эта дружба весьма спонтанно.

– 31 августа 1976 года я, уже будучи первокурсником, впервые переступил порог общежития, – вспоминает **Павел Каплевич**. – И там среди вновь прибывших студентов, среди сваленных тюков и чемоданов крутилась какая-то такая громкая девушка (то ли в гости к кому-то зашла, то ли решала важный вопрос – понять было трудно). Но она держалась так, словно

была в этом общежитии важным человеком. Я спросил у ребят: «А кто это?» Мне ответили: «Марина Голуб. Она у Монюкова учится на актёрском…»

То есть она была старше нас на один год и, как позже выяснилось, обязалась взять шефство над первокурсниками…

Возможно, что помощь была колоссальной, но я запомнил другое – нечеловеческий наряд Марины. Ходила она в модной кофте, а главное, в джинсах, что мне казалось атрибутом просто невероятной роскоши (я ведь из Туапсе приехал).

Тогда в ходу крутилось выражение «мерный лоскут». И Марина все годы учёбы напоминала мне бесконечный мерный лоскут, потому что на ней были все мыслимые и немыслимые ткани, которые нигде нельзя было купить. Оказалось, что поиском тканей занимается её мама, которая сама же и прекрасно шьёт…

К слову, кто бы ни говорил о Марине Голуб, – все непременно восхищались её чувством стиля, умением быть модной даже во времена абсолютного дефицита. Она выделялась всегда. И лишь однажды тот самый «стиль» сослужил ей дурную службу. На третьем курсе Марина получила тройку на каком-то экзамене и соответственно лишилась сорокарублёвой стипендии. Тогда Ольга Юльевна Фрид направилась в учебную часть защищать свою любимицу:

– Её нельзя оставлять без стипендии! Девочка нуждается! Дайте ей стипендию!

– Ольга Юльевна, вы ничего не путаете? Это Голуб нуждается? Посмотрите, как она одета. Так даже во МХАТе никто не одевается.

– Что вы об этом знаете? – горько ответила Фрид. – Да ей мать из лоскуточков шьёт.

…Все эти анекдотичные истории известны благодаря самой Марине Голуб: она многократно вспоминала их на разных посиделках, всегда дополняя новыми подробностями. И мимолетный эпизод из студенческой жизни в её устах превращался в концертный номер, а воспоминание о какой-либо мелкой ссоре напоминало античную трагедию, в которой было место всему: и острым характерам, и столкновению интересов, и ревности, и слезам, и, конечно же, злому року. Одним словом, актриса…

На первом курсе поехала с приятелем в Ленинград. Поезд возвращался в Москву в предрассветные часы, до начала дня было ещё далеко, и ребята, присев на лавочку, уснули в зале ожидания. Спустя час Марину кто-то похлопал по плечу. Она открыла глаза и увидела перед собой… Монюкова.

– Ой, Виктор Карлович…

– А вы на первую пару не опоздаете? – в присущей ему ироничной манере поинтересовался руководитель курса.

Студентка готова была провалиться сквозь землю.

– Как могло случиться, что Монюков поехал в командировку да к тому же мимо нашей лавочки! Я ведь накануне отпросилась у него с занятий, сказав, что заболела, – рассказывала Голуб.

Интересно, что сам Виктор Карлович ни разу не припомнил ученице того случая. Да и зачем? Свободолюбие в Школе-студии базировалось на доверии. Доверие приводило к дружбе. Дружба сохранялась годами…

– Я ещё застала мхатовских стариков, – говорила **Марина Голуб**. – На моём курсе преподавал Виктор Яковлевич Станицын, который взял меня под своё крыло, очень многому научил. Или вспомнить, например, замечательную Киру Николаевну Головко – актрису неземной красоты, чья душевная простота и сердобольность на протяжении всех студенческих лет внушали тебе спокойствие: раз в Школе-студии есть такие люди, то здесь ты не пропадёшь…

Знаете, это же очень важно, особенно в начале пути, когда кто-то начинает в тебя верить. И Кира Николаевна верила, а до встречи с ней я всё время немножко кого-то раздражала. То ли из-за того, что я и тогда была крупная, то ли из-за того, что громкая, то ли из-за того, что

выглядела старше своих лет… Короче говоря, я никак не вписывалась ни в одну из компаний. Но нашёлся человек, который сказал: «Ты хорошая и талантливая. Всё хорошо. Не смотри ни на кого – смело иди вперёд»[3].

Кира Головко и сама не забыла ту первую встречу:

– Монюков взял к нам на курс девочку, которая сразу обратила на себя внимание. Она была яркая, эксцентричная, говорила хрипловатым басом… На мой вопрос: «Деточка, ты что, куришь?» – ответила: «Нет, что вы, я давно уже бросила». Делала из себя этакую важную даму.

Из воспоминаний самой Марины: «С самого начала обучения наш руководитель курса Монюков застращал студенток, что, если что – беременных будет безжалостно исключать: “Имейте в виду, вам придётся взять академический отпуск, а на следующий год, когда вернётесь, вы уже никому не будете нужны, на чужой курс вас не возьмут”.

Помню, как ходили в гости к Кире Николаевне, которая жила в роскошной шестикомнатной квартире в доме на набережной. И каждый раз, как только вечер достигал своего апогея и студенты потихоньку расползались по комнатам, бдительная Кира Николаевна начинала обход, чтобы дело не дошло до греха. “Ребята, не уходите далеко, – повторяла она, собирая нас, полупьяных. – Сейчас будем чай пить”.

Однажды Кира Николаевна оставила у себя ночевать пьяного студента. Утром она на цыпочках вошла в спальню, чтобы взять из шкафа какие-то вещи, но вдруг парень открыл глаза. И Головко прошептала: “Спите, спите, Мишенька. Ничего, ничего”. На что студент радостно ответил: “Как ничего?! Это было отлично, Кира Николаевна!”»

«Сколько мгновений счастья было связано с теми посиделками! Я бы всё отдала, чтобы еще разок, хотя бы на пять минут, вернуться туда», – говорила потом Марина.

* * *

Из воспоминаний Юлии Фрид: «Родители купили нам путевки в Вороново. По тем временам Вороново – предел мечтаний! Правда, в новом корпусе – из стекла и мрамора – места для нас не нашлось, мы жили в стареньком флигеле неподалёку, а в новый ходили тусоваться.

Я во всём хотела подражать Марине, поскольку мне она казалась эталоном красоты, раскованности и так далее. Я отставала по всем статьям, а она меня “тянула”.

В первый же день Марина встретила двух знакомых мальчишек, которые, как короли, жили в новом корпусе. Правда, принцами для нас они так и не стали. Скорее, они были принцами друг для друга.

Больше всего меня поражала безграничная Маринина общительность. Например, садились мы утром завтракать. Она поворачивалась к соседнему столику:

– Здравствуйте, а мы ведь вчера с вами виделись… Помните?.. Я тоже рада с вами познакомиться. Какое счастье, что вы здесь отдыхаете. И мы здесь отдыхаем. Как погода? Мне тоже кажется, что отличная! Я Марина, а это моя подруга Юля. Учусь в Школе-студии МХАТ. Актриса… Будущая. Хотя будущих актрис, как вы знаете, не бывает…

И вдруг: “А передайте мне, пожалуйста, солоночку”.

Я спрашивала:

– Марин, а почему нельзя просто попросить солонку?

В ответ она только недоуменно разводила руками.

После поездки в Вороново мы, конечно, были уже неразлучны, образовалась общая компания».

---

[3] Голуб Марина: монолог // Линия жизни. ТВ-программа. ГТРК «Культура», 2010.

Вспоминает **Павел Каплевич:**

– Летом я возвращался домой к родителям и начинал страшно скучать, поскольку для меня в Туапсе подходящей компании не было. Среди всех моих одноклассников несколько человек к тому времени сидели в тюрьме, другие работали чернорабочими в порту, и только лишь одна девушка варила кофе на набережной. Это считалось сложившейся карьерой…

Я ждал только одного: когда придёт московский поезд и из него выйдут Маринка Голуб, Юлька Фрид, Сашка Балуев, Степка Старчиков.

Первым делом ехали ко мне, располагались в доме, а потом, накормленные и переодетые, шли на пляж. Вся компашка резко выделялась среди местного населения. Однажды мы с Сашкой вышли из дома в одних только шортах, без маек. И на первом же перекрестке нас остановила милиция, поскольку это считалось антиобщественным поступком. На пляже – пожалуйста, ходи как хочешь, а на центральных улицах – ни в коем случае!

Отвели в участок, провели беседу и отпустили.

Но Маню это не насторожило. Дело в том, что её мама умела шить из каких-то трикотажных трусов экстравагантные топики, которые держались на одной резиночке. Кроме того, привезла она с собой и короткие белые шорты, которые едва-едва прикрывали ей попу. Мы ей говорили:

– Марин, тебя арестуют.

– С какой стати! – И она уверенным шагом шла вместе с нами.

Местные бабки, чуть не падая в обморок, успевали её щипать за все места и кричать истошно:

– Проститутка!

Надо сказать, что к своему внешнему виду Марина относилась внимательно при любых обстоятельствах. Повсюду она носила с собой иголочку и маленький ножик. Это были её инструменты борьбы с ленинградской тушью. Иголочкой она расправляла накрашенные ресницы, а ножичком их подкручивала. Я видел, как она это делала. Зрелище не для слабонервных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.